

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

УДК 130.2

РЕПРЕССИРОВАННАЯ КУЛЬТУРА

Л.Л. Штуден

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»
E-mail: shtuden@mail.ru

В статье содержится анализ проблем, связанных с культурными потрясениями, имевшими место в истории России, а также оценка современной ситуации в культуре этой страны, определяемая автором как критическая и чрезвычайно опасная. Статья призывает всех подлинных носителей традиционной российской культуры к активной поддержке ее ценностей.

Ключевые слова: этническая культура, культурная катастрофа, коллективное подсознание, православие, невосполнимая потеря.

THE REPRESSED CULTURE

L.L. Shtuden

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: shtuden@mail.ru

The article of Novosibirsk culturologist L. Shtuden presents the analysis of problems related to cultural shocks, which took place in the Russian history, as well as the assessment of modern situation in the culture of this country. The author defines this situation as critical and extremely dangerous. The article calls upon all the genuine keepers of the traditional Russian culture to active support of its values.

Key words: Ethnic culture, cultural shock, collective unconsciousness, Orthodoxy, grievous loss.

Кафедра народной художественной культуры НГПУ (три года назад она еще так называлась) пригласила меня однажды на зачетное выступление группы хореографов.

– Что делать будете? Петь частушки? Хороводы водить? – спросил я.

– Приходите, увидите сами.

Пошел нехотя. Ничего интересного я не ждал от выступлений современных девушек, напяливших ярмарочные сарафаны и кокошники. Даже такие высокие

образцы псевдонародного искусства, как хор имени Пятницкого или ансамбль Моисеева, большого энтузиазма у меня никогда не вызывали: красиво, эффектно, феерично – и все-таки не подлинно... А здесь-то что можно было ожидать? Девчонки с голыми животами, мимо которых я по пятницам шествовал на лекцию, не выпускающие изо рта жвачку даже когда им приходится рассказывать о живописи Рафаэля, что они могут?

Я пошел, готовый вежливо терпеть.

Но то, что открылось моим ушам и глазам, было для меня полной неожиданностью. Не хотелось бы употреблять громких слов, и все же не могу не сказать, что увиденным я был потрясен. Россия передо мной словно воскресла. Та самая – древняя, деревенская, жившая еще при царе Берендее.

Девушки словно преобразились: красавицы! Все до одной!

И не в праздничных нарядах было дело. Даже не в их выучке. Замечательно, что они, в сущности, ничего не «изображали». Они реально оказались в том, прежнем, давно потерянном времени. Ничего искусственного, «пейзанского», музейно-матрешечного. Органика каждого их движения, каждого возгласа была такого свойства, что ясно было: этому невозможно научить. Воскресла сама глубинная память, сидевшая в генах!

Я потом разыскал их руководительницу. От волнения потеряв всякое красноречие, только одно спросил:

– Как вам ЭТО удалось?

Мой вопрос она хорошо поняла. Подумав, ответила:

– Сама не знаю, как. Но иногда их удается распечатать. – Она употребила именно это слово. – Боюсь только, что через одно или два поколения такое будет невозможно.

Этого выступления я до сих пор не могу забыть: реального ощущения органики и подлинности. И еще вдруг пришедшего понимания: вот это и есть то, что позволяет любить страну, где ты родился! Никакая идеология. Никакие урапатриотические фразы. И никакое, прости Господи, имперское величие... Живые голоса живой души этноса.

Вместе с радостью я испытал и боль. Чтобы увидеть ЭТО сегодня, надо действительно ухитриться распечатать и воскресить. Потому что народная художественная традиция, за малым исключением, перестала существовать: она погибла вместе с прежней российской деревней. То, что еще существует – вернее, прозябает – в наши дни, слишком мало ее напоминает.

* * *

Тенденция к размыванию и даже гибели этнической культуры до некоторой степени является знаменем времени. Что этому способствует?

Прогресс в средствах передвижения, начавшийся еще в XIX веке, позволяет в наши дни перемещаться из страны в страну, с континента на континент огромным массам людей – главным образом, в поисках работы или лучших условий жизни.

Промышленные страны Запада активно заселяются гастарбайтерами, в самой России огромное количество переселенцев из среднеазиатских республик, Китая и Вьетнама. Недалеко то время, когда этническое перемешивание станет нешуточной проблемой для великих наций, и здесь опять-таки очень серьезно стоит вопрос о сохранении национальной культуры. Слишком многие из «пришельцев» не желают принимать обычаи страны, которая их приютила, и даже

не дают себе труда выучить язык этой страны. Переселенцы нередко становятся культурными маргиналами, теряя свои собственные традиции и очень плохо приспособиваясь к новым. В высшей степени любопытной книге Патрика Бьюкинена «Смерть Запада» этот процесс описан подробно, с приведением конкретных цифр. Бьюкинен, в частности, указывает:

«Как кажется, Европа не в состоянии остановить иммиграцию и помешать пришлым занимать рабочие места по мере того, как сходит с исторической сцены военное поколение. Работодатели требуют рабочей силы; на том же настаивают, возрастая числом, пожилые и старики. В Европу вливаются миллионы людей из Северной Африки и с Ближнего Востока...» [2, с. 142].

Ослабление почвенной культуры не в последнюю очередь связано с набирающим силу процессом перемешивания религий. Этому, в частности, способствует активная экспансия восточных религиозных идей на Запад – причина возникновения огромного множества школ, направлений и сект, не имеющих ничего общего с христианством. Во многих христианских странах это привело к эклектической мешанине всевозможных мистических традиций, опасному кризису веры и, в конце концов, к размыванию этнической культуры. Здесь важно подчеркнуть, что в этой ситуации особенно уязвимой оказывается страна, где проводился «эксперимент» построения атеистического общества: в почве, из которой выкорчеваны некогда украшавшие ее растения, любые семена, занесенные сюда ветром, имеют шанс прорасти и заполнить пространство (семена сорняков – всего вероятней...).

К перечню негативных факторов прибавляется бедствие, приносимое всепожирающим монстром – так называемой «массовой» культурой. С пугающей мощью она усредняет, снижает и нивелирует все, с чем соприкасается! Детище коммерческой цивилизации, она обращается не к разуму или чувствам человека, а к его инстинктам. Вместо высокого смысла она предлагает примитивный соблазн – этого достаточно, чтобы в сравнении с подлинным искусством быть вне конкуренции.

Коммерция не имеет родины. Она космополитична по своей сути. Там, где все продается и все покупается, разговор о духовных ценностях теряет смысл. Возникает весьма своеобразное «производство» каких угодно (все равно каких) ценностей: реклама, презентация, «раскрутка» (promotion). Интерес публики к тому или иному предмету продажи искусственно раздувается, возникает хорошо продуманная технология «раскруток». Книги, фильмы, музыка, поэзия... – «раскручивается» все, что обещает прибыль. Народное творчество в этот ряд, как правило, не входит – все подлинное едва ли имеет отношение к коммерции (мыслимое ли дело – «раскрутить» весенний хоровод или древнюю свадебную песню?)

Размыванию этнической культуры способствует и сама по себе промышленная цивилизация. Городские жители в развитых странах ведут, в общем, сходный образ жизни, пользуются одними и теми же предметами домашнего обихода. Почти в каждом доме мы видим японский телевизор, китайскую сантехнику, итальянскую стиральную машину, шведский холодильник, и так далее, и так далее. Эти стандартные предметы диктуют и повседневные привычки, даже распорядок дня. Все копируется, все рационально усредняется, все сводится к единому знаменателю. Промышленная цивилизация обезличивает городскую жизнь,

предлагая во всех странах один и тот же способ ее механического упорядочивания...

В результате всего этого с каждым годом мы наблюдаем, как национальный фольклор повсюду все больше утрачивает свое значение вместе с наступлением глобализации; все больше (особенно в развивающихся странах) он превращается в приманку для туристов, становясь заурядным коммерческим промыслом.

Все сказанное, впрочем, хорошо известно и служит предметом серьезной озабоченности не только для культурологов. Тотальный процесс перемешивания, дробления и маргинализации разрушает этническую культуру – с этим невозможно спорить. Но здесь следует указать на существенный водораздел между странами Запада и всем остальным миром. Процесс эрозии этнической культуры в наибольшей степени коснулся стран христианского Запада и в наименьшей – стран мусульманского мира.

Цивилизация ислама никогда не была и никогда не будет либеральной. Любой человек, принявший решение поселиться в мусульманской стране, обязан принять ее культуру и жить по ее законам. Христианские страны Запада также пытаются защитить себя, принимая законы, жестко ограничивающие поток иммигрантов... Это смягчает проблему, но не устраняет ее. Тем не менее процесс культурной эрозии в этих странах, по крайней мере, в ближайшем будущем, еще не обещает полной катастрофы. Две или три сотни лет у них еще есть в запасе.

Однако существует страна, где эрозия культуры приняла такие масштабы, что здесь, пожалуй, пора уже бить в набат. Эта страна – Россия.

* * *

Россия, на всем протяжении ее истории, отличалась от своих соседей тем, что эту обширную державу, как злой рок, преследовал катастрофизм культуры. Любая культурная катастрофа, происходившая в России, связана с репрессивным воздействием, нацеленным на уничтожение той или иной традиции. В результате сильно сужался механизм культурной трансляции, что приводило к губительным искажениям.

Открывая перечень культурных катастроф, нельзя обойти молчанием уничтожение на Руси язычества. Каким бы мы не считали прогрессивным событием образование христианства на Руси – оно было введено волевым решением князя Владимира, нельзя забывать об этом. Реформа, проводимая сверху, во многом была насильственной. Летописец Нестор указывает, что глумление над вчерашними кумирами вызвало слезы у киевлян, а в Новгороде для внедрения новой веры даже пришлось применить военную силу. Язычество – корневая религиозная система у славян – никогда полностью не исчезало из обихода в крестьянской России: вера в духов, колдовство и магия, языческие праздники, все это оставалось, хотя явные приметы язычества (капища, деревянные идолы, кровавые жертвоприношения) исчезли, казалось бы, из актуальной практики... Но не навсегда. Языческие божества, загнанные в подвал подсознания и ставшие демонами, терпеливо ждали своего часа. На свет Божий эта «рать» вышла при большевиках, образовав особого рода квазирелигию – *светское неоязычество*.

Введение христианства на Руси послужило началом длинной цепи культурных репрессий.

Татарский погром, уничтоживший, вместе с городским населением, его грамотность, его ремесла, его свободный стиль жизни, прививший русскому населению привычку к деспотии – был следующей гигантской катастрофой. В X–XI вв. Древняя Русь была одной из передовых стран средневековой Европы. Теперь на долгие века она становится глухой азиатской провинцией.

Разгром «нестяжателей», загнавший в подполье мистическую традицию русского православия, имевший результатом поддержку Церковью самодержавия и господства в ней тяжкого духа уставного иосифлянского благочестия – еще одно потрясение, хотя и менее заметное, на поверхностный взгляд. Либерализм был уничтожен не только в государственном управлении, но и в самой Церкви. Идея «страха Божьего» становится всепоглощающей, заслоняя любовь. Религиозный философ Г.П. Федотов называет победу иосифлянства «трагедией русской святости», замечая попутно, что «в борьбе с Нилом Сорским и его учениками Иосиф – сам не желая того – разрушал традиции преподобного Сергия, ставшие стеснительными для религиозного одевания пышного московского царства» [3, с. 221–222]. Опричная реформа Ивана Грозного, учредившая «поголовное рабство» в Московской Руси, истребившая последние ростки свободолюбия (разгром Новгорода!) и унизившая Церковь, продолжила цепь культурных катастроф.

Искоренение скоморошества, предпринятое в 1648 году, практически уничтожило народный театр и народную инструментальную музыку.

Никонианский раскол Церкви при царе Алексее Михайловиче устранил из активной жизни самую религиозную и, вероятно, самую работоспособную часть российского социума. Церковь и крестьянство понесли потери, воистину невосполнимые.

Каждая из этих катастроф имеет значение не просто потери части традиции, речь идет о более тяжелых последствиях: репрессированная культура не исчезает без следа, она как бы «оседает» в коллективном бессознательном, находя выход в индивидуальных или массовых эксцессах. Подсознание россиян сильно осложнено – я бы сказал, перегружено этим загнанным внутрь психическим материалом. Русский бунт, «бесмысленный и беспощадный», – вот только один из примеров этого коллективного невроза... Слишком многие поступки русских объяснимы скорей с точки зрения патопсихологии, нежели здравого смысла. Достоевский мог появиться только в русской литературе.

К сожалению, катастрофа церковного раскола, при всей ее тяжести, была не самой последней и даже не самой мощной.

Реформа Петра I, вызвавшая к жизни в России новый класс – просвещенное дворянство – и еще более закабалившая крестьян, породила раскол в самой российской культуре. В конечном счете, он привел к появлению революционной интеллигенции и очередной культурной катастрофе, с началом власти большевиков. Один из авторов знаменитого сборника «Вехи», русский религиозный философ С.Н. Булгаков, не напрасно предупреждал, размышляя в начале прошлого столетия о русской интеллигенции: «...поднимется ли на высоту своей задачи русская интеллигенция, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волею, ибо, в противном случае, интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию» [1, с. 26].

Философ оказался прав. Октябрьский переворот 1917 года стал для России воистину небывалой трагедией. Из культурных потрясений, совершенно изменивших лицо русского общества, на первое место следует поставить, конечно, годы «великого перелома» (1929–1932). Мне кажется, мы и до сих пор не до конца уяснили себе весь масштаб ужаса этих событий... Коллективизация явилась главной причиной гибели российского крестьянства, а вместе с ним – и гибели всей почвенной крестьянской традиции.

Означало ли это событие гибель всей российской культуры? К счастью, нет. Потому что за два века перед революцией Россия сумела создать высочайшие образцы творчества – трудами выходцев из дворянской среды, охотно бравших все лучшее из народных источников. Державин, Пушкин, Глинка, Тургенев, Мусоргский – все они, несмотря на свою принадлежность к отколовшейся «барской» ветви культуры – были вскормлены почвой народной традиции.

После революционных событий, когда дворянство с корнем было выкорчевано (а вместе с ним – и священство, и купечество, и так называемое «кулачество»), что же могло остаться от российской культуры? Как ни странно на первый взгляд, большевики все-таки сохранили «старорежимные» достижения художественной культуры презираемой ими аристократии и даже стали их пропагандировать!

Аристократию поставили к стенке, но ее искусство – подняли на щит. Этот парадокс позволил сохранить то единственное, что могло соединить «век нынешний и век минувший»... Стихи Пушкина, романы Толстого, симфонии Чайковского, театр Станиславского долгое время успешно поддерживали преемственность русской культуры, несмотря на бедственное положение крестьянского фольклора.

Советская деревня, в качестве прощального своего дара, явила миру знаменитую «деревенскую прозу» 60-х, но это было, по сути, самоотпевание. В особенности произведения Распутина и Астафьева выглядят как настоящий реквием по российской деревне...

* * *

Современное состояние дел к этой тяжести прибавляет еще новую, едва ли не горшую. Мы, кажется, на грани того, чтобы вообще потерять нашу культурную самоидентичность.

В наши дни происходит очередная культурная катастрофа, которая грозит стать последней. Наряду с крестьянским фольклором, пришел черед гибели и дворянской культурной традиции. Вместо Мусоргского и Чайковского – блатная попса. Вместо сказок Пушкина – «штатовские» мультфильмы. Вместо Станиславского – порнуха и мат на театральной сцене. Что касается книг – их вообще перестали читать. Толстого и Чехова заменили компьютерные игры.

Теперь давайте очнемся от равнодушного будничного безмыслия и внимательно просмотрим на то, что мы имеем.

Нам пора уже полностью осознать, что Советский Союз потерпел сокрушительное поражение в «холодной» войне. Это факт. Никого не должен обманывать эпитет «холодный», – мол, если бомбы не падают нам на голову, ничего страшного не происходит... Нельзя забывать, что целью войны – любой войны – является уничтожение противника. Советский Союз и был уничтожен: морально, территориально, экономически. Но главное: если внимательно всмотреться в то, что сейчас с нашей страной происходит – не исчезает чувство, что война против России не кончена, она продолжается.

Что происходит у нас с образованием, с промышленностью, с транспортом, с правоохранительной системой и так далее? Даже российское православие, при том, что сейчас оно не испытывает государственных гонений – тем не менее, подвергается изощренным атакам со стороны прессы, телевидения, и не только. Чиновники разного уровня всеми силами препятствуют преподаванию в школах православной культуры – дескать, у нас многоконфессиональная страна, как бы не возмутились буддисты и мусульмане! Нет нужды доказывать смехотворность этих аргументов. Главное здесь – упрямое, сознательное противодействие сбережению и сохранению нашей духовной традиции. Кому и зачем это нужно – не знаю, но выглядит это, как продолжение той же войны – другими средствами.

Надо признать и то, что драконовские меры, принятые большевиками против христианства, дали совершенно определенные плоды. Речь, на самом деле, идет о том, что фактически был предан забвению тысячелетний период истории России! В нашей якобы христианской стране абсолютное большинство людей не знает, что такое Евангелие, не говоря уж о чтении христианской литературы или, тем более, о воцерковлении.

То, что теперь, в постперестроечный период, происходит с русским православием, требует специального анализа. Во времена «застоя» (70–80-е годы) обращение к православию было едва ли не знаменем сопротивления в руках интеллигенции... Уместно вспомнить, что некогда и атеизм был знаменем в ее же руках: начинали Герцен и Белинский, продолжили соратники Чернышевского и Ленина.

Когда религия становится «знаменем», она что-то главное теряет в своей сути. Религия как символ *сопротивления* – повод не к благочестию, – к войне.

Не все советские диссиденты были религиозны, лишь небольшая их часть. Среди них особенно значимой была колоссальная фигура А.И. Солженицына. Но были еще А. Ахматова, С. Аверинцев, А. Мень... Казалось бы, одного лишь знания о жизни и деятельности таких людей должно быть достаточно, чтобы возбудить интерес к религии в среде, по крайней мере, образованных людей в России? Отчасти так и произошло. Но лишь – отчасти. Подавляющее большинство постсоветской российской интеллигенции так и осталось индифферентно к религиозным идеям. Более того, эти люди продолжали оставаться убежденными атеистами.

А что же остальные? Те самые – «простые люди» России? Здесь, по большей части, мы видим полное равнодушие как к религии, так и к атеизму. В обиходе своем, в своих повседневных делах они легко обходятся без Бога и вообще без вопросов о тайнах запредельного бытия... Литературные их образы предельно четко даны в прозе В. Шукшина (кстати, он и сам никогда не был верующим). В его рассказах проходит целая галерея людей – несомненно русских, но словно бы не имеющих никакой духовной родины. Для них-то, озабоченных лишь задачей выживания, проблемы связи человека с Творцом были не просто неинтересны, но за отсутствием религиозного воспитания – неизвестны, недоступны. К тому же они прекрасно знали, что все, с религией связанное, не поощряется «там», наверху...

Но вот – свершилось! – запреты перестали существовать. Восстановили кое-где храмы. Построили новые. Религиозные проповеди звучат даже по телевидению. И что же? А почти ничего. Результат воистину мизерный. Не так давно

мне привелось быть в Екатеринбурге на литургии в храме, выстроенном на месте расстрела царской семьи. Красивый храм, в самом центре города. Великолепный хор – не иначе, как из профессиональных певчих... И – **девять** прихожан. Девять! Я не поленился посчитать.

Куда ж делась Святая Русь? Хотел бы я хоть приблизительно знать ответ на этот вопрос. Могу лишь предложить гипотезу, которая, правда, звучит пессимистично, и все-таки кое-что объясняет относительно положения в современной России.

Репрессированная часть культуры подобна отсеченной части тела: она напоминает о себе фантомными болями, но регенерация отсеченной части едва ли возможна. Погубленная культура – сокровище, утраченное навсегда: «распечатать» можно, но нельзя полностью воскресить. Культура – всегда целостный организм. Утрата какой-то ее части побуждает к росту в социальной жизни новых структур, «соединительной ткани», восстанавливающей целостность. Правда, эта целостность оказывается куда менее содержательной, куда более примитивной... Причем, новая органика не позволяет всерьез реставрировать утраченное, тем более, что давно уж покинули этот мир люди, способные воссоздать былое в живой практике. Подсознательные его образы, однако ж, нет-нет, и воскресают – всегда спонтанно, неожиданно, в сильно искаженном виде.

Так, солнечное язычество погасло, оставив после себя лунный след: смутную тень суеверий и тайного колдовства. А вот идолопоклонство в годы большевизма – вдруг воскресло и оказалось необыкновенно живучим. Вечевой ряд Новгорода уступил место площадной анархии. Мистическое православие уже никогда не станет хорошо проработанной, доступной всем, освященной великими именами Учителей духовной практикой. Оккультные суеверия стали ему заменой.

Многим из нас, сегодняшних, почти невозможно понять, что свобода – это долг и ответственность, а не чья-то санкция на своеволие: традиция городской демократии, перерубленная Грозным, не успела воспитать в нас цивилизованное отношение к свободе. Старообрядцы, сохранившиеся в медвежьих углах, никогда уже не вернут России чистоту и аскетизм «древлего благочестия»; их собственные дети, увлеченные соблазнами современных городов, отказываются принимать эстафету традиций, завещанную старшим поколением... Об этнической народной культуре мы уже говорили: гибель старой деревни необратима. Аристократия?.. Существующие ныне богемные собрания якобы потомственных аристократов – напыщенный вздор, это какая-то злая карикатура на дореволюционное дворянство. Купцы старой школы?.. Да где ж они, те, у кого слово, данное при устном договоре, было гарантией более верной, чем оформленный в банке вексель? Их нет. Современные ловчилы и «кидалы», творцы финансовых пирамид – ни в коем случае их не заменят.

И так во всем. Потеря хотя бы одной части культуры – опасное, провальное, в любом случае невозможное дело.

Готовы мы это признать или нет, но после поражения в «холодной» войне мы испытываем национальное унижение, отдаленным аналогом которого может служить положение Германии в 20-е годы прошлого столетия. В ответ на подобное унижение возможны два типа реакций.

1. *Здоровая реакция*: терпеливая работа по сбережению и сохранению культуры, с перспективой на полное национальное возрождение.
2. *Невротическая реакция*: ксенофобия и расизм.

Первый вариант предлагает Польша. Не имея своей государственности в течение почти полутора веков, она, тем не менее, сумела сохранить свою культуру и свою религию. В конечном итоге это ей позволило, с оружием в руках, отстаивать право на свою независимость.

Второй пример – Германия времен «пивного» путча и штурмовых отрядов Рема.

По какому пути пойдет Россия? От души надеюсь, что она избегнет худшей участи.

В любом случае, нам следует делать все, чтобы возвратиться к своим корням и спасти хотя бы то, что еще можно возродить, обратившись к исторической памяти. Народ, лишенный этнической культуры, превращается в «население», а население невозможно сплотить в единый организм. В этом случае, в ситуации крайней опасности, каждый будет умирать в одиночку. Отсутствие культурной идентичности лишает нас энергии созидания, равно как и энергии сопротивления. Культурный маргинал, как правило, бесплоден и решительно равнодушен ко всему, имеющему отношение к судьбам его страны.

Чтобы этого избежать, все сохранившиеся в наши дни в России носители высокой традиции должны действовать способом, прямо противоположным тому, о котором говорит Герман Гессе, рисуя в своем романе «Игра в бисер» провинцию Касталия... Любой из нас, от кого хоть в малейшей степени зависит просвещение нашей сегодняшней молодежи, должен быть транслятором и носителем лучших традиций нашей древней национальной культуры.

Литература

1. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М.: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время», 1990. 210 с.
2. *Бьюкинен Патрик Дж.* Смерть Запада. М.: АСТ, 2007. 444 с.
3. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. СПб.: САТИСЬ ДЕРЖАВА, 2007. 300 с.

Bibliography

1. *Bulgakov S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo // Vехi: Sb. statej o ruskoj intelligencii. M.: Mezhdunarodnaja asociacija dejatelej kul'tury «Novoe vremja», 1990. 210 p.
2. *B'jukinen Patrik Dzh.* Smert' Zapada. M.: AST, 2007. 444 p.
3. *Fedotov G.P.* Svjatye Drevnej Rusi. SPb.: SATIS' DERZhAVA, 2007. 300 p.